

ДОСЛІДЖЕННЯ

ЕЛЕНА ИВАНОВА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ СТУДЕНТОВ О ХОЛОКОСТЕ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Память об исторических событиях прошлого актуализируется в переломные периоды. Изменения, произошедшие в жизни человека и общества, приводят к пересмотру прошлого, смене акцентов, акцентированию ранее замалчиваемых событий. От того, что мы видим в прошлом, зависит наше видение настоящего и будущего, а также отношение к ним. Все эти процессы происходят и в современной Украине.

Хорошо известно, что одни и те же события люди помнят по-разному, по-разному о них рассказывают и трактуют. Какие факторы влияют на память об исторических событиях, что именно помнят о них и почему? Для ответа на эти вопросы попытаемся воспользоваться понятием «коллективной памяти».

Понятие коллективной памяти

Понятие коллективной памяти было введено в научный оборот французским социологом М. Хальбваксом¹. Согласно его теории, коллективная память создается разными социальными группами и институтами общества, поэтому в обществе может быть столько вариантов коллективной памяти, сколько существует таких групп. Память и воспоминания членов каждой такой группы детерминируются групповым контекстом, а коллективная память определенной группы разделяется всеми ее членами и направлена на поддержание стабильности и цельности группы. Кроме детерминированности группой, которой

¹ *Halbwachs M. On Collective Memory / Ed., transl. and with introduction by L.A. Coser. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. – 244 p.*

коллективная память создается и разделяется, она определяется еще местом и временем создания². Среди исследуемых свойств коллективной памяти можно назвать также тенденцию к упрощению³; эмоциональную насыщенность⁴; распределенность между разными группами⁵. (Так, граждане США «помнят», что сами победили во Второй мировой войне. Русские, французы и др. помнят об этом по-другому). Эти свойства являются особенно важными в контексте данного исследования.

Идея распределенности коллективной памяти является центральной в психологической теории коллективной памяти, разработанной американским психологом Дж. Верчем⁶. По его мнению, самой простой разновидностью распределенной коллективной памяти является так называемая «однородная» память, в основном одинаковая для всех членов группы. В реальной жизни такой вид памяти встречается достаточно редко. Действительно, трудно представить себе ситуацию, в которой абсолютно все люди, даже входящие в одну и ту же группу, одинаково помнят какие-то события. Второй разновидностью распределенной памяти является «дополнительная». В этом случае различные члены группы помнят разные вещи и события, но эти воспоминания, не являясь противоречивыми, дополняют друг друга, образуя в целом более полную общую картину. Это характерно для небольших, традиционно организованных сообществ с высокой плотностью социальной жизни и низкой социальной мобильностью⁷. Третий вариант распределенной коллективной памяти Дж. Верч называет соперничающей, или противоборствующей. Как и в случае с дополнительной памятью, разные члены группы помнят разные события или одно и то же событие, но по-разному, и их воспоминания находятся в противоречии и в полемике друг с другом.

В основу данной работы в качестве теоретического представления о коллективной памяти было положено понимание ее как распределенной и противоборствующей. Кроме того, были использованы понятия «официальной» и «неофициальной» памяти⁸. К созданию официальной памяти всегда причастно

² *Burke P.* History as Social Memory. In *Memory, History, Culture and the Mind* / Ed. by Thomas Butler. – Oxford, 1989. – P. 95–113.

³ *Novick P.* The Holocaust in American Life. – Boston, 1999. – P. 3.

⁴ *Rousso H.* The Haunting Past. History, Memory and Justice in Contemporary France / Transl. by R. Schoolcraft. – Philadelphia, 2002. – P. 9.

⁵ *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives* / Ed. by J.W. Pennebaker, D. Paez, B. Rime. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. – 303 p.

⁶ *Wertsch J.* Voices of Collective Remembering. – New York, 2002. – P. 44.

⁷ *Cole J.* Forget Colonialism? Sacrifice and the Art of Memory in Madagascar. – Berkeley: University of California Press, 2001. – 361 p.

⁸ Понятие официальной памяти как оппозиции неофициальной было введено в цитируемой выше работе // *Burke P.* Op. cit. – P. 107, а оппозиция официальных и неофициальных историй // *Tulviste P., Wertsch J.* Official and Unofficial Histories: The Case of Estonia // *Journal of Narrative and Life History.* – 1994. – № 4 (4). – P. 311–329.

государство, следовательно, официальная память – это формы и институты памяти, иницируемые, поддерживаемые, одобряемые, поощряемые и финансируемые государством. В сферу неофициальной памяти попадают темы, признаваемые государством незначимыми и не заслуживающими внимания, а также явно вредными и нежелательными. Как правило, к ним относятся сюжеты, противоречащие представлениям государства о самом себе, своем прошлом и будущем, о своем народе. Так, в советские времена из официальной памяти «выпадали» такие элементы прошлого, как репрессии, депортации, Голодомор, диссидентство, любые несогласия с политикой государства и т.п. Холокост также относился к событиям, не включенным в официальную память.

На этих теоретических конструкциях строилось проведенное эмпирическое исследование, целью которого стало изучение региональных особенностей коллективной памяти студенческой молодежи о Холокосте в современной Украине.

Методы сбора эмпирического материала

Методами получения эмпирического материала, на основании которого делались выводы о коллективной памяти о Холокосте, были – написание сочинений (эссе) о Холокосте и проведение фокус-групп.

Метод написания сочинений имеет как свои достоинства, так и недостатки. К основному достоинству можно отнести свободу самовыражения, представляемую анонимностью. Понимая, что его авторство не будет установлено, человек может более свободно отбирать в памяти информацию, которую он считает важной, более свободно и открыто высказывать свои мысли, эмоции и отношения. Еще одним достоинством является возможность коллективного сбора материала и получение большого числа разнообразных сочинений и, соответственно, взглядов, в них высказанных.

Одним из существенных недостатков является трудность получения развернутых рассказов, невозможность задать вопрос для уточнения или пояснения того, что хотел сказать автор. Остается неизвестным, помнит ли человек что-то еще, однако по каким-то причинам не хочет это знание актуализировать. Эти важные моменты остаются за рамками исследования.

В проведенном исследовании сочинения писались небольшими группами студентов в присутствии исследователя (автора данной статьи), с которым студенты прежде не были знакомы. Перед написанием сочинения давалась следующая инструкция: «Напишите, пожалуйста, о Холокосте (массовом уничтожении евреев в период Второй мировой войны)». Данный тип неопределенной инструкции (широко применяемый в проективной психологии) был использован для того, чтобы дать участникам достаточно широкие рамки для

высказывания своих взглядов, чтобы не сдерживать изложение своей точки зрения или эмоций, а также чтобы избежать сочинений-отписок типа «ничего не знаю» или «ничего не помню, меня тогда не было».

С целью получения максимально искренних ответов исследование проводилось анонимно, участников просили указывать только свой пол и возраст.

Целью фокус-групп было получение информации об источниках знаний студентов о Холокосте и ответа на вопрос, насколько нужно и важно, с их точки зрения, хранить память о Холокосте и почему. Фокус-группа проводилась в каждом из тех городов, в которых собирались сочинения, ее участниками были также студенты, но не те, кто писал сочинения, по 6–8 человек в группе.

Конструирование выборки осуществлялось с учетом нескольких основных моментов: возрастного, образовательного, регионального и гендерного. Исходя из описанных выше особенностей коллективной памяти, имеет смысл говорить о коллективной памяти применительно не просто к группе, но к определенному поколению, поскольку коллективная память представителей одного поколения будет отличаться от коллективной памяти представителей другого (старшего или младшего). Говоря о памяти об исторических событиях, следует иметь в виду, что она также видоизменяется от поколения к поколению. Память о событии, участником или современником которого был человек (хотя участник события и просто современник помнят разное), отличается от памяти о событии, о котором он узнал из рассказов, книг или других источников. Это непосредственно относится и к коллективной памяти о Холокосте. Все меньше и меньше остается людей, переживших его, или современников событий. Новые поколения создают свою память о Холокосте, черпая информацию из разных источников и получая в результате некий сплав, являющийся коллективной памятью о Холокосте данного поколения.

Продолжая мысль Дж. Янга⁹, можно сказать, что не только каждая страна конструирует «свою» память о Холокосте, но и каждый регион может иметь чем-то отличающуюся память. Особенно, если речь идет о регионах с явно выраженной спецификой (исторической, религиозной, культурной, социальной и т.д.). Украина, безусловно, не является в этом плане исключением. Можно предположить, что коллективная память, в том числе и о Холокосте, в разных регионах также будет иметь определенные отличия. По мнению политологов, культурологов и представителей других гуманитарных дисциплин, наиболее сильно отличаются ментальностью, а следовательно, и коллективной памятью, представители Западного и Восточного регионов

⁹ *Young J. E. Writing and Rewriting the Holocaust: Narrative and the Consequences of Interpretation.* – Bloomington: Indiana University Press, 1988. – 243 p.

Украины¹⁰. В качестве одного из наиболее ярких примеров такого отличия памяти можно привести коллективную память об УПА и ее деятельности. Этими соображениями мы руководствовались, когда в качестве городов для исследования выбрали Львов (Западный регион), Харьков (Восточный регион) и Полтаву (Центральный регион). Каждый из этих городов имеет свои исторические и культурные особенности, но в то же время каждый из них пострадал во время Второй мировой войны в целом, а его еврейское население в частности. Таким образом, в коллективной памяти представителей этих городов должна присутствовать, по нашему предположению, определенная чувствительность к теме Холокоста.

Характеристика выборки

В качестве респондентов было решено взять представителей молодежи, которые обучались в независимом украинском государстве (1983–1989 годы рождения). Они не имеют собственного индивидуального опыта участия в войне, событиях Холокоста и послевоенном времени. Обо всех этих событиях они знают из разных официальных и неофициальных источников, на основе которых формируется их коллективная память о различных исторических событиях, в том числе о Холокосте.

Из различных исследований¹¹ хорошо известно, что чем образованнее люди, тем менее подвержены они ксенофобии, антисемитизму, тем более толерантны и открыты к восприятию «иного». Поэтому респондентами стали студенты различных специальностей из университетов выше перечисленных городов трех регионов Украины. Все участники исследования изучали в школе курсы истории Украины и всемирной истории, в которые Холокост входит в качестве обязательной темы, и большая часть из них уже изучила историю Украины в вузе. Выборка была представлена студентами точных,

¹⁰ См., напр.: *Грицак Я.* Ще раз про ставлення українців до поляків // Страсті за націоналізмом: Істор. есеї. – Київ, 2004. – С. 138–156; *Його ж.* Українсько-єврейські стосунки в постсовєтській українській історіографії // Там само. – С. 169–178; *Його ж.* Про сенсовність і безсенсовність націоналізму в Україні // Там само. – С. 188–197; *Його ж.* Дилеми українського націотворення, або Ще раз про старе вино в нових міхах // Там само. – С. 198–215; и в отдельных пассажах других статей этой же книги. См. также, напр.: *Хмелько В.* Особливості соціальних параметрів регіонів з переважно «помаранчевими» та «біло-синіми» електоральними схильностями // <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/24112007/ospe.doc>.

¹¹ Напр., *Golub J., Cohen R.* What Do Americans Know about the Holocaust? – New York: The American Jewish Committee, Institute of Human Relations, 1993. – 62 p.; *Оксамитна С., Хмелько В.* Регіональний поділ України на президентських виборах 2004: гендерні, вікові та освітні відмінності електоральних переважень // <http://www.kiis.com.ua/index.php?id=48sp=18num=22>; *Панина Н.В.* Фактори національної ідентичності, толерантності, ксенофобії та антисемітизму в сучасній Україні // *Соціологія: теорія, методи, маркетинг.* – 2005. – № 4. – С. 26–45; *Панина Н.* О применении шкалы социальной дистанции в исследованиях национальной толерантности в Украине // *Там же.* – 2003. – № 3. – С. 21–43.

естественно-научных и гуманитарных специальностей (кроме истории) высших учебных заведений (примерно одинаковое количество человек в каждом из городов). Одним из условий проведения проекта была анонимность информантов и учреждений, принимавших в нем участие. Сохраняя анонимность, можно отметить, что вузы были примерно одного уровня, а студенты учились на однотипных факультетах.

Возраст респондентов колеблется от 16 до 23 лет, девушки составили несколько большую часть выборки (148), юноши – 89. Было проанализировано 237 сочинений: 74 из Львова, 74 из Полтавы и 89 из Харькова.

Методы обработки эмпирического материала

В результате написания сочинений были получены тексты, ставшие материалом для последующего анализа. Объем текстов варьировался от 37–40 слов до 155–180 слов.

Одним из междисциплинарных методов качественного анализа текстов является анализ дискурса. Объектом анализа стали лингвистические и нелингвистические средства и их значения, используемые для выражения мировоззрения, ценностей, культурных моделей и т.д. в определенном социальном и историческом контексте. В анализе дискурса исследовалось не только содержание, т.е. ЧТО люди говорят, но и то, КАК они говорят (или пишут) об этом. Даже когда мы говорим «своими словами», эти слова не совсем наши, а нашего сообщества. Анализ дискурса широко применяется в различных гуманитарных науках – философии, социологии, антропологии, психологии и др. – для изучения различных социальных явлений.

Существуют разные подходы к анализу дискурса, одним из которых является так называемый «критический дискурс-анализ»¹². Критический дискурс-анализ используется для анализа письменных (хотя и не только) текстов. В его рамках дискурс является формой социального действия, определяемого ценностями, социальными нормами и социальной практикой. При создании текстов существенными оказываются многие осознанные и бессознательные мотивы, что приводит к возникновению выраженных и скрытых значений, когнитивных и эмоциональных аспектов дискурса. Критический дискурс-анализ стремится найти идеологический фундамент анализируемых текстов, их «скрытые намерения». Как отмечает Д. Камерон, задача критического дискурс-анализа – обращать внимание не только на то, что сказано, но и на то, что не сказано¹³. Важным аспектом такого анализа является также выявление

¹² Van Dijk T.A. Principles of Critical Discourse Analysis // *Discourse and Society*. – 1993. – № 4 (2). – P. 249–283; Reisigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination. Rhetorics of Racism and Antisemitism. – London; New York: Routledge, 2001. – 298 p.

¹³ Cameron D. Working with Spoken Discourse. – London, 2001. – P. 128.

устойчивых моделей или схем в текстах. Он используется для изучения разных форм дискриминации, насилия, антисемитизма.

Так, получив задание вспомнить о Холокосте и написать о нем, респонденты создавали свой текст в рамках того или иного дискурса. Получив написанные тексты-сочинения, необходимо было реконструировать дискурсы, в рамках которых эти тексты были написаны. Выделенные дискурсы свидетельствуют о разделяемых респондентами ценностях и взглядах, отразившихся в созданных ими текстах о Холокосте.

Приведу несколько примеров определения дискурса.

Так, основная тема текста, заключающаяся в отсутствии превосходства одной расы (национальности, этнической группы и т.п.) над другой, свидетельствует об использовании в сочинении антирасистского или антинационалистического дискурса. Тема неприязни к евреям (например: «Лично я очень и очень не люблю этот народ, жалости к ним не испытываю никакой! А в связи с последними событиями даже поддерживаю идею Гитлера») дала возможность говорить об антисемитском дискурсе. Аналогично определялись и остальные дискурсы, в рамках которых были написаны сочинения и, соответственно, конструировалась память о Холокосте.

Кроме того, в случаях более развернутых текстов были использованы элементы анализа нарративов (выделение главных действующих лиц, начало и окончание нарратива, сюжет)¹⁴ и качественного контент-анализа (выделение определенных словосочетаний как единиц анализа и контекста их употребления)¹⁵.

Применение всех этих методов позволило определить основное содержание коллективной памяти о Холокосте.

Результаты и их обсуждение

Полученные результаты будут представлены так. Вначале дается общая характеристика результатов, полученных от всех респондентов; затем анализируется специфика результатов студентов из каждого города; а потом данные, полученные по городам, будут сравниваться на предмет относительного сходства и различия.

Говоря о выборке в целом, следует отметить, что использованные в написании сочинений дискурсы и затрагиваемые в них темы распределились неравномерно (см. табл. 1).

¹⁴ *Kermode F.* The Sense of an Ending: Studies in the Theory of Fiction. – New York: Oxford University Press, 1967. – 187 p.; *Barclay C.* Autobiographic Remembering: Narrative Constraints on Objectified Selves // Remembering our Past: Studies in Autobiographical Memory / Ed. D. Rubin. – New York, 1996. – P. 94–125.

¹⁵ *Мангейм Д., Рич Р.* Политология: Методы исследования. – М.: Весь мир, 1997. – 542 с.

Таблица 1

Данные о дискурсах, в которых написаны тексты, по всей выборке (%)*

Дискурс	Интерпретационный	Антирасистский	Антисемитский	Нейтралистский	Бытовой	Констатирующий	Персонализации ответственности	Региональный	Исторический	Эмоциональный	Сравнительный	Религиозный	Философский
%	21,5	19,8	11,8	11,4	9,3	7,6	4,6	4,6	4,2	4,2	3,0	1,7	0,4

* Поскольку некоторые студенты использовали в своих сочинениях несколько дискурсов одновременно, общая сумма превышает 100%.

Примерно пятая часть студентов (21,5%) при написании сочинений использовала интерпретационный дискурс. Его специфика проявляется в том, что задача написать о Холокосте дает толчок не столько для воспоминания и воспроизведения каких-то фактов, сколько становится поводом для рассуждений на различные темы, которые ассоциируются у респондентов с Холокостом. Те, кто использует данный дискурс, вспоминают и размышляют не только и не столько о конкретном событии (уничтожении евреев), но о глобальных событиях (войны, геноцид, жизнь и смерть и т.д.). Делается попытка осмысления причин Холокоста, его последствий. Часто практически отсутствуют факты, детали, описание или содержание событий, но прослеживается эмоциональное отношение к ним. Таким образом, этот дискурс характеризуется довольно поверхностным воспроизведением фактов, но в то же время явным желанием ответить на вопрос, почему подобное могло произойти, может ли повториться, с кем и т.п. По сути, студенты рассуждают на эти темы вообще, предпочитая не вспоминать о конкретных фактах и событиях.

Очень незначительно от данной группы отстает следующая, у которой тема Холокоста встроена в антирасистский или антinationалистический дискурс (19,8%). Этот дискурс отличается пониманием Холокоста как проявления расизма или национализма. При его использовании Холокост трактуют как геноцид еврейского народа, его уничтожение по национальному признаку, как самое жестокое проявление превосходства одной нации над другой, следствие порочной идеи о существовании высшей и низшей расы, презрение международных норм, преступление против человечества. Расистским идеям студенты противопоставляют взгляды о равенстве наций и прав, о том, что каждая нация имеет право на жизнь и счастье.

Эти два дискурса явно преобладают над другими, и в них Холокост связывается с правом человека на жизнь, отсутствием у конкретных людей права лишать жизни других, равенством прав представителей всех рас и наций, соотношением добра и зла и т.д.

Следующие по частоте встречаемости составили три группы дискурсов: антисемитский (11,8%), нейтралистский (11,4%) и бытовой (9,3%). Антисемитский дискурс характеризуется не памятью или воспоминаниями о Холокосте, а высказанным отрицательным отношением или ненавистью к евреям. Этот дискурс составили как сочинения, в которых антисемитские взгляды были высказаны открыто и явно, так и те, где они были выражены более острожно и завуалированно. Радикально настроенные респонденты поддерживают идеи Гитлера и считают, что евреи получили по заслугам и должны быть полностью уничтожены. Холокост, по их мнению, является следствием вины самих евреев и оправданной акцией. Представители более мягкой позиции считают, что столь жестокие меры предпринимать не следовало, можно было найти какие-то более лояльные способы избавиться от евреев. Если в интерпретационном варианте тема Холокоста подтолкнула к рассуждениям об общих проблемах бытия, то в данном варианте слово «Холокост» спровоцировало выражение отрицательного отношения к евреям.

Особенность нейтралистского дискурса заключается в том, что при его использовании либо создается рассказ, состоящий из отдельных более или менее разрозненных фактов, либо упоминаются отдельные факты, но в обоих случаях без какого-либо эмоционального отношения, оценки или собственного мнения. Позицию студентов, использовавших нейтралистский дискурс, можно охарактеризовать как отстраненную и дистанцированную.

В бытовом дискурсе Холокост осмысливается с помощью существующих в обществе стереотипов (как отрицательных, так и положительных), предрассудков и расхожих мнений о евреях, а также на основе опыта общения респондентов с евреями в повседневной жизни. Холокост представлен на фоне бытовых деталей прошлого и нынешнего времени. Прежде всего в этом дискурсе вспоминаются и описываются способы уничтожения (они производят на молодых людей наиболее сильное впечатление, запоминаются и в ситуации, когда необходимо что-то вспомнить, вспоминаются и воспроизводятся). Еще один момент, отличающий бытовой дискурс, связан с богатством и деньгами. Вспоминают о том, что евреи были богатыми людьми, что их богатству завидовали, вспоминают и о тех благах, которые возможны для евреев ныне: о том, что родственникам погибших выплачивают компенсации, что они могут уехать на ПМЖ в Германию и т.д. Таким образом, данный дискурс отличает то, что Холокост в нем представлен отдельными бытовыми деталями и подробностями, без какой-либо общей картины.

Остальные дискурсы встречаются значительно реже. Смысл констатирующего (описательного) дискурса (7,6%) сводится к тому, что в нем Холокост представлен как повод для описания одного или нескольких событий,

к нему относящихся, констатация факта(ов). Он имеет некоторое сходство с нейтралистским: и в одном, и в другом вспоминаются отдельные события и дается их более (обычно в констатирующем) или менее (в нейтралистском) подробное описание. Но есть и важное отличие. В нейтралистском дискурсе совершенно не выражены ни эмоции, ни отношение авторов сочинений к описываемому. В констатирующем дискурсе такое отношение или эмоции практически всегда присутствуют. Основным содержанием данного дискурса являются факты, но имеющие эмоциональную окраску (например: «уничтожение нескольких миллионов евреев было **трагическим** (выделено нами. – *Е.И.*) событием».

В логике дискурса персонификации ответственности (4,6%) Холокост рассматривается как явление, вызванное одним человеком – Гитлером, его комплексами, больным воображением, особенностями характера и т.п. И ответственность за него тоже несет один человек – Гитлер, поскольку уничтожение евреев происходило по его инициативе и под его руководством. Таким образом, вся ответственность и вина за Холокост приписывается только одному человеку. В рамках регионального дискурса (4,6%) о Холокосте помнят прежде всего как о событии, происходившем на территории Украины или даже конкретно в том регионе, где живут респонденты. В историческом дискурсе (4,2%) чаще всего дается краткая хронология событий Холокоста, хотя путаная и неполная, попытка проследить корни Холокоста или представить его как развивающееся событие, начавшееся с нарушения прав и закончившееся уничтожением. При использовании эмоционального дискурса (4,2%) практически полностью отсутствуют факты, детали, описание событий или их содержание. В эмоциональном дискурсе описываются эмоции и чувства, вызванные темой Холокоста. Если в констатирующем дискурсе некоторые из приведенных фактов представлены в той или иной эмоциональной окраске, то в эмоциональном дискурсе авторы прежде всего описывают свои эмоции.

В сравнительном дискурсе (3%) уничтожение евреев сравнивается с гибелью и уничтожением других народов (славян, украинцев, цыган и т.д.). Сравнение происходит по разным критериям: этнической или государственной принадлежности, количеству погибших в годы Второй мировой войны, по страданиям, которые довелось пережить, и т.п. Отчетливо звучит нота о том, что другие народы (украинцы, славяне, жители СССР и т.д.) страдали не меньше, чем евреи. Религиозный и философский дискурсы встречаются в единичных случаях, но все же мы включили их в общую картину. Религиозный дискурс (1,7%) представлен упрощенными представлениями о вине евреев в убийстве Христа и Холокосте как наказании за это, бытующими в христианстве. В философском дискурсе (0,4%) делается попытка

представить Холокост с точки зрения его моральных и этических последствий, морального долга и ответственности.

Региональные особенности коллективной памяти о Холокосте

Прежде всего проанализируем содержание памяти, актуализированное в каждом из рассматриваемых регионов в рамках наиболее часто встречающихся дискурсов и затронутых тем.

Выборка студентов Львова. Чаще всего студенты этой выборки использовали антирасистский дискурс (см. табл. 2), причем с различной аргументацией. Холокост определялся как самое жестокое проявление попытки достижения превосходства одной нации над другой, как следствие «ошибочной идеологии о существовании высшей и низшей расы». Вторая идея, вокруг которой строились сочинения данного дискурса, – «очищение мира», «под маркой которого уничтожались калеки, умственно отсталые, неполноценные... Евреев относили к этой же группе». Однако наиболее часто встречающейся является идея о правах человека. Следует отметить, что в 86% сочинений антирасистского дискурса высказывается собственное отношение к Холокосту, который называют «черным пятном стыда» в мировой истории, одной из самых страшных трагедий истории вообще и истории украинского народа в частности, тягчайшим преступлением, о котором вспоминают с ужасом и надеются, что подобное больше никогда не повторится.

Таблица 2

Сравнительные данные о дискурсах, в которых написаны тексты (%)*

Дискурс	Интерпретационный	Антирасистский	Антисемитский	Нейтралистский	Бытовой	Констатирующий	Персонализации ответственности	Региональный	Исторический	Эмоциональный	Сравнительный	Религиозный	Философский
Львов	14,9	18,9	5,4	14,9	9,4	9,4	5,4	10,8	5,4	2,7	5,4	2,7	-
Харьков	20,2	18,0	14,6	12,4	10,1	5,6	6,7	1,1	5,6	5,6	1,1	2,2	1,1
Полтава	29,7	22,9	14,9	6,8	8,1	8,1	1,4	2,7	1,4	4,0	2,7	-	-

* Поскольку некоторые студенты использовали в своих сочинениях несколько дискурсов одновременно, общая сумма превышает 100%.

Немного меньше сочинений в этой выборке написано в нейтралистском и интерпретационном дискурсах (по 14,9%). В интерпретационном дискурсе студенты пытались ответить на вопрос о причинах Холокоста и ненависти нацистов к евреям, мотивах уничтожения евреев. Отвечают на этот вопрос по-разному. Одни полагают, что это было связано с господствующим

положением евреев в мире. Другие считают, что мотивом уничтожения евреев была зависть к их успехам и богатству, и потому в Германии нарастала к ним ненависть. Причиной могли быть, по мнению ряда студентов, и фобии лидеров тоталитарной Германии. И, наконец, еще одна группа так и не смогла дать ответ на этот вопрос, утверждая, что не понимает мотивов и причин террора и геноцида, того, что заставляет людей это делать. Но, по мнению этих респондентов, пытаться понять мотивы и причины подобных действий все же необходимо, так как «мысли заходят в глухой угол из-за непонимания прошлого».

Размышляя о Холокосте, некоторые проводят параллель между нацистами и коммунистами: «Коммунисты и нацисты хотели давать право на жизнь только “своим”. Поскольку евреи не арийской расы, коммунистическая партия не видела места для их развития в своем государстве». Наконец, в некоторых рассуждениях была предпринята попытка вписать Холокост в более общий цивилизационный контекст. Так, респонденты написали о том, что «Холокост продемонстрировал существование глобальных проблем, с которыми должно бороться все человечество. Он продемонстрировал посягательство на модель демократического общества, показав, что наше общество далеко не идеально, и что необходимо бороться с такими античеловеческими явлениями, как Холокост, выявлять их причины и искоренять».

В нейтралистском дискурсе о Холокосте пишут как о массовом уничтожении, направленном на полное уничтожение еврейского народа. Некоторые студенты подчеркивали, что такое тотальное уничтожение происходило и в Украине, причем уничтожался не только народ, но и его история, культура, традиции. Перечисляются способы уничтожения: к таковым прежде всего относят массовые расстрелы, закапывание в оврагах не только мертвых, но и живых. Написанные сочинения свидетельствуют, что далеко не все представляют себе масштаб проводимых акций и Катастрофы вообще. Однако ни своих эмоций, ни оценки студенты, использовавшие нейтралистский дискурс, не высказали.

Следует подчеркнуть, что выборка студентов из Львова характеризуется, кроме того, достаточно частым использованием регионального дискурса (10,8%) – на третьем месте по количеству использования. В его рамках Холокост понимается и описывается прежде всего как событие местной истории, происходившее на территории Украины или конкретно в том регионе, где живут респонденты, то есть в данном случае в Западной Украине и во Львове. Они помнят о Бабьем Яре как о месте самых массовых расстрелов, о Яновском лагере, лагерях в Полесье и на Волини. Вспоминают о том, что евреев расстреливали на всей территории Украины. Помнят также о том, что в Украине было много еврейских общин, но сейчас их почти не существует. Помнят молодые

люди о лагерях и гетто, которые превращались в фабрики смерти. Они пишут и о том, что украинцы помогали евреям, прятали их, за что страдали и сами, поскольку нацисты расстреливали не только евреев, но и тех, кто евреев прятал. В то же время в этой группе (как, впрочем, и в других) никто вообще не упомянул о коллаборационизме.

Какие моменты, специфичные для данного региона, можно выделить на основании анализа собранного эмпирического материала? Начнем с памяти о реалиях, относящихся к Холокосту в Украине и в Западном регионе. Основная масса также называет Бабий Яр, ставший, видимо, символом Холокоста для молодых людей. Следующий момент – это параллель между гитлеровской Германией и Советским Союзом в отношении евреев. В отдельных сочинениях даже говорится о том, что во времена Холокоста евреев уничтожал Советский Союз или даже просто русские: «Евреев массово убивали. Россияне не принимали в расчет ни женщин, ни детей». Видимо, степень негативного отношения к советской власти и русским у некоторых столь велика, что произошла подмена нацистов русскими. Есть и еще одна любопытная параллель, теперь уже между евреями и украинцами. Если в предыдущем варианте параллель между нацистами и советскими (русскими) проводилась в плане их жестокости («жестокие мероприятия советской власти для очищения нации»), то сравнение евреев и украинцев происходит по линии жертвенности, т. е. и одни, и другие были жертвами. «Над евреями издевалась гитлеровская Германия, над украинцами – Советский Союз». Специфичным для Львова является и интерес к Польше. В нескольких сочинениях описываются преследования евреев и их уничтожение в Польше.

В то же время в выборке из Львова 43,2% респондентов не высказали никакого отношения к Холокосту и не дали ему никакой оценки. Одно из возможных объяснений заключается в том, что для них это далекая и чужая история, не вызывающая ни интереса, ни эмоций. Другое объяснение – это то, что молодые люди не захотели писать о своем истинном отношении и предпочли не писать ничего, предпочитая быть политически корректными. Хотя выяснение причин и мотивов такого отношения требует специального исследования.

В харьковской выборке двумя наиболее часто встречающимися дискурсами оказались интерпретационный (20,2%) и антирасистский (18%) (см. табл. 2). Следующими по частоте встречаемости оказался антисемитский (14,6%), нейтралистский (12,4%) и бытовой (10,1%) дискурсы. Остальные представлены в меньшем количестве случаев. В интерпретационном дискурсе высказываются разные точки зрения относительно Холокоста: от понимания его как позорного пятна в истории, бессмысленного и жестокого, до обычного следствия военных действий. Вообще во многих сочинениях этого дискурса сама тема Холокоста становится все более и более

размытой, подменяется другими: жизни и смерти, убийства и т.д. В антисемитском дискурсе объединились как откровенные и прямо высказанные антисемитские взгляды, так и более или менее завуалированные. Кроме заявлений о нелюбви или ненависти к евреям, респонденты этой группы упоминают, цитируют и разделяют взгляды автора антисемитской по своему содержанию книги «Протоколы советских мудрецов» Г. Климова¹⁶, считают, что евреи спекулируют своим прошлым в политических целях. Часть респондентов думает, что их собственная жизнь сейчас зависит от евреев, которых всюду большинство и «которые лезут на все освободившиеся места», что вызывает у них резко отрицательное отношение. Некоторые респонденты этой группы поддерживают идеи Гитлера, считают его великим человеком, гением.

В подавляющем большинстве сочинений антисемитского дискурса вообще нет никаких сведений о Холокосте, а есть высказывание своих взглядов, с аргументацией или без нее. Т. е. о памяти как таковой вообще сложно делать выводы. В то же время показательным является одно из сочинений, автор которого изложил достаточно большое количество фактов, связанных с Холокостом: ретроспективный взгляд в историю и исторический экскурс в Древний Египет, цели Гитлера, способы, которые он применял для достижения своих целей, и т.д. И в конце автор высказала свои открыто антисемитские взгляды и выразила поддержку Гитлеру. Это является примером того, что можно хорошо владеть информацией и многое помнить о Холокосте, но при этом отношение к нему может быть вполне положительным. Т. е. само по себе знание еще не дает основания для формирования человеческой и нравственной позиции.

Память о Холокосте характеризуется также наличием эмоциональной окрашенности вспоминаемого и высказываемой оценки. К эмоциональной окрашенности могут быть отнесены высказывания типа «это было ужасно», «одно из самых страшных событий» и т.д. Оценка могла быть высказана как более эмоционально («это был апофеоз жестокости и безнравственности»), так и менее эмоционально – «человечество должно было сделать свои выводы». Однако она присутствовала в 61,8% сочинений.

Еще один важный момент анализа – это наличие определенного итога повествования, вывода или морали. Некоторые сочинения просто обрываются на каком-то факте или рассуждении. В других тот или иной итог присутствует. Качественный анализ выводов был сделан по линии направленности выводов. Так, они могли быть направлены в будущее (например, «человечество должно сделать все, чтобы такое не повторилось»), прошлое (например: «люди не по-

¹⁶ *Климов Г.* Протоколы советских мудрецов. – М.: Пересвет, 2005. – 479 с.

нимали, за что их уничтожали») или просто констатации факта (например: «это трагедия для всего человечества»). Почти в 70% сочинений на основании событий Холокоста были сделаны те или иные выводы. Самое большое количество выводов представляло собой констатацию фактов, связанных с жизнью и смертью, правом на жизнь, политикой и т.д. Меньше было выводов, направленных в прошлое («человечество сделало свои выводы»), и еще меньше – в будущее («такое не должно повториться»).

Выборка студентов Полтавы. Самое большое количество студентов этой группы (почти треть) использовали интерпретационный дискурс (см. табл. 2). Ими затрагивались следующие темы: понимание сущности Холокоста; его причины; уничтожение людей; евреи, и как жертвы Холокоста, и как этническая группа.

Вторым по частоте использования в этой группе стал антирасистский или антинационалистический дискурс (22,9%). В рамках этого дискурса Холокост рассматривается как геноцид еврейского народа, его уничтожение по национальному признаку. Как респонденты трактуют это? Во-первых, они рассматривают уничтожение определенной группы людей с точки зрения права и международных норм, считают, что это свидетельствует об их несоблюдении, высказываются вообще против расизма. Во-вторых, молодые люди полагают, что все люди имеют право на жизнь, «независимо от нации и национальной принадлежности». Одни подчеркивают то, что объединяет всех: «все мы люди независимо от национальности, цвета кожи и т.п.», все имеют равные права. Другие продолжают эту мысль, считая, что кроме сходства, существуют и различия, и что «все имеют право на выбор способа жизни, религии, выражения мыслей». И в то же время все нации равны, и ко всем надо относиться с уважением. В-третьих, еще одна группа респондентов в центр своих сочинений ставит нравственный аспект уничтожения, утверждая, что никто не имеет права уничтожать, убивать других, а совершивших это необходимо наказывать. Наконец, некоторые прямо говорят об уничтожении евреев, о том, что это была политика нацизма относительно уничтожения еврейского народа как принадлежащего к низшей расе. И отмечают, «евреи ничем не хуже нас», что они «такие же люди, как и другие, и имеют право отстаивать свои интересы, мысли и т.д.». Следует отметить, что во всех без исключения сочинениях этого дискурса молодые люди осудили Холокост.

Третьим по частоте использования в данной группе явился антисемитский дискурс (14,9%). Он также неоднороден. Есть утверждения о том, что сами респонденты «действовали бы так же, как нацисты»; другие заявляют, что они «просто не любят евреев»; третьи считают Холокост заслуженным результатом негативного прошлого и ошибок еврейского народа (не раскрывая содержания

этих утверждений). Даже там, где молодые люди прямо не говорят о своих взглядах, присутствуют характеристики, данные ими евреям, свидетельствующие об отрицательном отношении к евреям: «евреи – хитрые и умные, поэтому их не любили»; они «паразитирующий народ» и т.п.

54,0% написали эмоционально насыщенные сочинения, что дает возможность говорить об эмоциональной окрашенности их памяти о Холокосте. Еще больше студентов (78,4%) высказали свою оценку Холокоста.

Если подытожить полученные данные, то можно отметить следующее. Во-первых, студенты помнят и знают сам факт, т. е. то, что Холокост был. Во-вторых, большинство помнит время, когда это произошло, но временные рамки Холокоста очерчены менее определенно, хотя в основном его связывают со временем Второй мировой войны. Очень немногие вспоминают о его истоках в довоенный период или о еще более ранних предпосылках. В-третьих, помнят о том, кто были жертвы (евреи) и кто применял насилие (фашисты). Хотя здесь появляется и специфическая нотка, правда, характерная для немногих: жертвами Холокоста были не только евреи, но и украинцы, а осуществляла насилие советская власть (и над евреями, и над украинцами). То есть проводится параллель между политикой нацистской Германии и Советского Союза в отношении этих народов. Евреев, погибших во время Катастрофы, сравнивают с украинцами, полагая, что «нашему народу (украинцам. – *Е.И.*) было еще тяжелее». Сравнение с другими погибшими в годы войны народами также не в пользу евреев: как пишет один молодой человек, «ведь никто, кроме евреев, не получил финансовой компенсации. Ее получили даже те, кто еще не родился, когда был Холокост». В-четвертых, в содержание коллективной памяти входит также информация о том, что евреев расстреливали и уничтожали разными способами; о существовании концлагерей. Вообще, судя по воспроизведению, наибольшее впечатление произвели и лучше всего запомнились факты, связанные с «технологией» и местами уничтожения, а также то, что уничтожались женщины и дети. Эти особенности являются характерными для всех молодых людей, составивших исследуемую выборку.

Наряду с общими чертами в каждом регионе отмечалась специфика. Отметим наиболее характерные ее аспекты. В большой степени сходны между собой выборки Харькова и Полтавы. Выборка студентов из Львова существенно отличается от них.

Чаше других студенты Харькова и Полтавы используют интерпретационный, антирасистский и антисемитский дискурсы. Их память о Холокосте является эмоционально окрашенной (как положительно, так и отрицательно) и оценочной. Выборка студентов Харькова отличается еще тем, что большая ее половина делала вывод из происшедших событий, связанный либо с констата-

цией факта («это страшно»), либо направленный в будущее («такое не должно повториться»), либо в прошлое («мы должны знать прошлое»). Сочинения студентов западного региона отличаются не только более частым использованием регионального дискурса (10,8% респондентов по сравнению с 2,7% в Полтаве и 1,1% в Харькове), но и тем, что они помнят (и воспроизводят) намного больше конкретных реалий, относящихся к Холокосту в Украине: уничтожение большого количества евреев на западноукраинских землях; жестокость уничтожения; факт, что в их регионе до войны жило большое количество евреев и др. И у студентов Харькова, и у студентов Полтавы на третьем месте среди использованных дискурсов оказался антисемитский (14,6% и 14,9% соответственно). У студентов Львова в антисемитском дискурсе написано 5,4% сочинений, что почти в три раза меньше.

Если у студентов и Харькова, и Полтавы память о Холокосте в подавляющем большинстве случаев эмоционально окрашена, то студенты Львова оказались менее эмоциональными (или не проявляющими свою эмоциональность): в их выборке меньше половины эмоционально окрашенных воспоминаний (40,5%) и чаще используется нейтралистский дискурс. Студенты из Львова также чаще других сравнивают евреев с представителями других групп (этнических, национальных, религиозных и т.д.).

С целью установления источников информации и коллективной памяти студентов о Холокосте были проведены фокус-группы. Анализ их данных показал, что подавляющее большинство студентов из всех трех городов узнали о Холокосте на уроках истории в школе. Причем все говорили именно об уроках, а не об учебниках. Какие у них были учебники истории, ребята не помнят. То есть информацию они получали в интерпретации учителя и через него. Столь же единодушными были все студенты и относительно того, что на лекциях по истории Украины в вузе им НИЧЕГО о Холокосте не говорили. Таким образом, основным источником информации о Холокосте для молодых людей стали уроки истории и учителя истории. В рамках других предметов, изучаемых в школе (например, литература), этой темы не касались. Вторым называемым источником стало телевидение. Это и документальные фильмы, и передачи, и художественные фильмы. Они, как правило, производили сильное эмоциональное впечатление. Больше предпочтение студенты отдали документальным фильмам, особенно тем, в которых показаны люди, пережившие Холокост: «Когда я вижу человека, который рассказывает со слезами на глазах, я ему верю». Сухие факты, как правило, такого впечатления не производят. Приведу еще одно высказывание: «Чувство вызывают картинки, сюжеты из фильмов. Шесть миллионов – на меня это не действует. Детали, образы, картинки – тогда возникает чувство. Тогда возникает вопрос: как тогда жили евреи?». Семья является источником информации в том случае, когда в ней

есть евреи. Тогда эта тема затрагивается в семейных разговорах, в остальных случаях в общении она не возникает и не обсуждается.

На вопрос о том, нужно ли сохранять память о Холокосте, участники фокус-групп ответили утвердительно, но относительно того, в какой форме это лучше делать, мнения разделились. Одни считали, что нужны памятники, другие говорили, что люди, не глядя, проходят мимо них. К музеям у большинства явно скептическое отношение («туда не ходят»), хотя идею мемориалов многие поддержали. Особо впечатляющими и заставляющими думать, с их точки зрения, являются мемориалы, сооруженные на тех местах, где происходили трагические события. Кроме того, назывались телевизионные фильмы и передачи, общение с людьми, пережившими Холокост, записи их рассказов на видео и т.д. Сходились в одном: это должны быть синтетические интерактивные формы с обязательным образным компонентом, воздействующим на чувства и эмоции человека. Память о Холокосте, считают они, нужно передавать следующим поколениям, пробуждая прежде всего их эмоции.

В то же время почти все участники фокус-групп сказали, что не хотели бы знать о Холокосте больше, получать больше информации о нем. Причины такого отношения, по словам самих студентов, были разные: и нежелание «углубляться в зло», и боязнь сильных отрицательных эмоций, и желание оставить прошлое в прошлом, поскольку у молодежи есть масса насущных проблем, требующих сил, времени, информации и т.д., «которые жалко тратить на прошлое».

Выводы

Следует отметить, что сделанные выводы относятся к поколению молодежи, рожденной в середине – конце 1980-х гг. Они не могут быть распространены (во всяком случае, без специального исследования) на другие поколения, в коллективной памяти которых есть своя специфика. Кроме того, велика вероятность, что данные, полученные от молодежи, живущей в маленьких городах, сельской местности, с более низким образовательным уровнем, были бы иными, поскольку более образованные слои населения являются не только более информированными, но и более толерантными, в том числе и в плане межэтнических отношений.

В целом о содержании коллективной памяти о Холокосте в исследуемой группе студентов можно сказать следующее.

Коллективная память опирается на разные культурные модели и ценности: прежде всего ценности прав человека, равенства людей разных рас и национальностей, также на ценности ненасилия, отрицательного отношения к войнам, на бытовые стереотипы и существующие мифы, а также на нелюбовь к евреям. Коллективная память не является однородной, а представляет

собой как дополнительные варианты (например, антinationалистский и интерпретационный), так и противоборствующие (антinationалистский и антисемитский, исторический и бытовой). Это показывает разное, иногда противоположное отношение отдельных групп респондентов к Холокосту и памяти о нем. В то же время содержание коллективной памяти о Холокосте у студенческой молодежи является достаточно скупым, малоинформативным, в большой степени лично дистанцированным от них.

В коллективной памяти студентов о Холокосте своеобразно сплетаются его официальная (учебники, СМИ) и неофициальная версии (расхожие мнения, ссылки на рассказы родственников и знакомых), наслаиваясь одна на другую или включая одна другую. Достаточно широким оказалось сведение памяти о Холокосте к бытовым подробностям, стереотипам, существующим в обществе. Это согласуется с идеями о том, что коллективная память имеет тенденцию к упрощению событий, представлению их простыми и непротиворечивыми. В связи с этой особенностью коллективной памяти следует упомянуть и тот факт, что никто, за исключением одного человека из всей выборки, не упомянул о коллаборационизме, об участии украинцев в уничтожении евреев. Как, впрочем, единицы упоминали и о тех, кто помогал евреям и спасал их.

Была обнаружена и определенная специфика в региональных особенностях коллективной памяти. Региональная память (в узком смысле, т. е. о событиях в своем регионе, и в широком смысле – относительно всей Украины) более ярко выражена у студентов Львова. У них в четыре раза чаще, чем в Полтаве, и почти в 10 раз чаще, чем в Харькове, был использован региональный дискурс. Их память о Холокосте больше насыщена украинскими реалиями и фактами, относящимися к Холокосту в Украине. И в целом они проявили больший интерес и к истории Украины, и к ее прошлому. Очень немногие в выборке Харькова и Полтавы вспоминали Холокост в региональном контексте, что свидетельствует об отношении к Холокосту как чужеродному событию, о невключенности Холокоста в украинскую историю и национальную память.

Достаточно велико количество студентов, выразивших свои антисемитские взгляды и позицию. Их взгляды и отношение к евреям достаточно агрессивны, а к идеям нацизма и Гитлеру вполне лояльны. Это относится прежде всего к студентам Полтавы и Харькова. Во Львове таких студентов оказалось в три раза меньше. Рискну предположить, что количество студентов с антисемитскими взглядами все же несколько больше, поскольку часть респондентов закамуфлировала свои взгляды в сочинениях нейтралистского дискурса.

Студенты Львова идентифицировали украинский народ как жертву, обнаружили негативное отношение к Советскому Союзу и русским. Полтавчане по этим результатам очень близки к львовянам: они только менее критичны к Советскому Союзу и не проявляют негативизма по отношению к русским.

Студенты Харькова, в отличие от студентов Львова, негативизма по отношению к русским не проявляют, хотя по отношению к Советскому Союзу настроены также критично.

Таким образом, можно говорить о существовании в среде студенческой молодежи как дополнительной, так и противоборствующей коллективной памяти о Холокосте. Коллективная память имеет региональные отличия, но и в рамках одного региона и даже одного дискурса она характеризуется разными «голосами».

Для большинства студентов Холокост все же является событием прошлого, не имеющего отношения к настоящему и будущему ни их самих, ни других людей, ни государства в целом. То есть по существу анализ Холокоста, его причин и следствий не был сделан, и многие так и не извлекли из него урока.